

линии». В результате было решено через штаб армии обратиться за разъяснениями в штаб фронта. После этого все разошлись, а на следующее утро выяснилось, что кн. Г.Е. Львов возглавил ответственное министерство, а вел. кн. Николай Николаевич назначен верховным главнокомандующим. К вечеру 4 марта слухи об отречении царя окончательно подтвердились (1915–1917, с. 446–448). Всё это косвенно свидетельствовало если и не о заговоре генералов, то о готовности руководства Северного фронта к неуставным действиям.

Примечания

¹ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1–2. М., 1997.

² Ср.: Вельяминов Н.А. Встречи и знакомства // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. V. М., 1994. С. 307.

³ См.: Андреев Д.А. Император Николай II в первые месяцы царствования: внешние влияния и самостоятельные решения // Российская история. 2011. № 4. С. 117–118.

⁴ Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009. С. 710.

Ирина Махалова

Особенности Холокоста в Крыму и на Северном Кавказе

Irina Makhalova

(National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

Features of the Holocaust in the Crimea and the North Caucasus

Недавно в издательстве Международного института исследования Катастрофы вышла книга профессора Ариэльского университета (Израиль) Кириллы Фефермана «Холокост в Крыму и на Северном Кавказе»^{*}.

Выбор таких регионов обусловлен рядом причин. Во-первых, значительную часть их жителей составляли мусульмане, которых пытались привлечь на свою сторону немецкие оккупационные власти. Взаимодействие этих народностей с еврейским населением в период оккупации является для автора важнейшим аспектом при сравнении регионов. Во-вторых, в них действовала айнзатцгруппа «Д» — одно из четырёх специально созданных немцами подразделений, непосредственно осуществлявших «окончательное решение» еврейского вопроса, а также боровшихся с любой оппозицией оккупационному режиму. Именно айнзатцгруппа «Д» занималась

уничтожением еврейского населения на Юге Украины, в Крыму и на Северном Кавказе. В-третьих, Кавказ и Крым играли особую роль в стратегических планах немецкого командования — они должны были стать для Германии плацдармом для дальнейшего продвижения на Восток, а также местом будущего расселения *Volksdeutsche*. В-четвёртых, особое место в политике оккупационных властей занимали «специальные еврейские группы», к которым относились крымчаки, караимы в Крыму и горские евреи Северного Кавказа (р. 18–23).

В историографии уже затрагивался вопрос о карательной политике немецких оккупантов в отношении определённых групп советского населения, в особенности еврейского. В монографии германского историка Н. Кунца¹, посвящённой истории Крыма в период немецкой оккупации,

Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

^{*} *Feferman K. The Holocaust in the Crimea and the North Caucasus. Jerusalem: Yad Vashem, 2016. 540 p.*

рассматривается уничтожение евреев на полуострове в общем контексте немецкой оккупационной политики. Его коллега А. Ангрик даёт полный обзор деятельности айнзатцгруппы «Д»². Д. Поль и М. Ольденбург³ проанализировали участие солдат вермахта в уничтожении еврейского населения на захваченных советских территориях. И. Арад⁴ и И. Альтман⁵ сделали общий обзор Холокоста в Советском Союзе, не углубляясь, однако, в изучение особенностей отдельных регионов. Данные обо всех местах уничтожения евреев в Крыму были собраны и систематизированы М. Тяглым⁶, который представил также некоторые детали, характерные для тех или иных городов и населённых пунктов.

Феферман стремится ответить на вопросы, ранее не затрагивавшиеся в рамках изучения Холокоста в Крыму и на Северном Кавказе: как проходила эвакуация еврейского населения, как местное еврейское и нееврейское население относилось к проводимой оккупантами политике, какую роль при этом играл исламский фактор? Кроме того, историк пытается проследить взаимосвязь между ходом военных операций и уничтожением евреев, а также определить масштаб сотрудничества солдат вермахта и айнзатцгруппы «Д».

Автор проанализировал период эвакуации из Крыма и Северного Кавказа до их оккупации немецкой армией (р. 53–109), охарактеризовав особенности этого процесса для еврейского населения полуострова. В силу его изоляции, предполагает Феферман, большинство жителей ничего не знало о преследовании евреев на уже оккупированных территориях (р. 60). Представители старшего поколения помнили о периоде Первой мировой войны и об оккупации Крыма в 1918 г. — тогда о немцах сформировалось впечатление, как о высококультурном и воспитанном народе, не способном унижать, а тем более уничтожать местное население.

Одни не хотели эвакуироваться из-за болезни кого-то из членов семьи (или беременности, как указывают некоторые источники), другие опасались, что если оставят свои дома, то их имущество достанется соседям. Перед сложной дилеммой оказались и смешанные

семьи, например, отец или мать, будучи евреями, не желали покидать свою семью, а эвакуироваться всем её членам не всегда представлялось возможным. Наконец, в силу географического положения полуострова чисто технически эвакуацию с него провести было трудно. Если до 24 сентября 1941 г. (войска вермахта захватили Перекопский перешеек) ещё можно было сделать это через континент, то после уже требовалось специальное разрешение для выезда морем.

Эвакуации евреев из сельской местности Феферман посвящает целый раздел одной из глав, но вопрос о еврейских совхозах, являвшихся одной из характерных черт предвоенного Крыма, раскрыт им лишь частично. Автор указывает только, что для советского правительства вывод скота являлся более важным, нежели эвакуация колхозников евреев, в результате всего 30–40% их довоенного числа смогло покинуть полуостров (опять же неясно, откуда возникли именно эти цифры). Не совсем понятно также, чем отличались эвакуации евреев из совхозов и городов. В итоге рассматриваемая в разделе проблема представлена в виде разрозненных историй очевидцев тех событий, что не даёт читателю общей картины процесса эвакуации евреев.

На Северном Кавказе была иная ситуация. В отличие от Крыма, жители этого региона знали о близости немцев и могли более или менее запланировать свою эвакуацию. К тому же старшее поколение здесь не было свидетелем немецкой оккупации времён Первой мировой войны, поэтому люди понятия не имели о том, что такое оккупационная власть. Но от беженцев, прибывших из оккупированных областей (в основном с Украины), и солдат Красной армии они слышали о том, как немцы относились к евреям. Бюрократические и транспортные трудности также осложняли процесс эвакуации местного населения, но покинуть территорию Северного Кавказа, в отличие от полуострова, было легче.

Центральным вопросом монографии являются особенности Холокоста (р. 111–230). Помимо айнзатцгруппы «Д» в преследованиях и уничтожении евреев участвовали местные

и полевые комендатуры, полевая жандармерия, румынские войска и местная полиция. 11-я армия под командованием генерала Э. фон Манштейна, которая в сентябре 1941 г. оккупировала Крым, не только непосредственно участвовала в военных кампаниях вермахта. Немецкие солдаты разыскивали укрывавшихся коммунистов, воевали с партизанами и помогали уничтожать советских евреев.

Завоеванием и последующей оккупацией Северного Кавказа занималась немецкая армия под командованием генерал-фельдмаршала В. Листа. Официально регион находился под контролем военной администрации (фактически она обладала большей властью) и СС. Сразу после оккупации здесь было создано Высшее командование СС и полиции на Кавказе (Höhere SS- und Polizeiführer Kaukasien), полицейские части которого уничтожали евреев. В отличие от Крыма на Северном Кавказе, по мнению историка, оккупационные власти для осуществления своей карательной политики чаще привлекали коллаборационистов из числа местного населения (р. 490).

В крупных городах и населённых пунктах обоих регионов принимаемые в отношении еврейского населения меры были схожими: сначала следовал приказ об обязательной регистрации всех евреев, затем — о ношении шестиконечной звезды на одежде (для всех старше 16 лет). К ним добавлялись иногда оплата денежного взноса и выполнение тяжёлого принудительного труда (для людей 16–70 лет). Согласно источникам, на Северном Кавказе евреям был объявлен финансовый бойкот (запрет заниматься торговой деятельностью), а также издан приказ о закрытии всех еврейских магазинов, хотя смысл последней меры не очень ясен — частных магазинов в СССР давно не существовало.

Вспомогательную роль в этих процессах невольно играли еврейские советы. В период оккупации в Крыму их было создано четыре (в Евпатории, Симферополе, Севастополе и Ялте), а в Феодосии и Карасубазаре немцы назначали старост еврейских общин. На Северном Кавказе такие советы создали в городах, где проживали самые многочисленные еврейские общины: в Ессентуках, Кисловодске, Краснодаре и Ставрополе. Старосты

выполняли эти функции в Черкесске и Новороссийске. Старосты и члены этих советов должны были составлять списки евреев, отвечали за сбор денежных средств, отправляли людей на различные работы. В силу краткосрочности деятельности еврейских советов ни одному из них не удалось организовать на полуострове хоть какое-то сопротивление оккупационным властям. Это принципиально отличает еврейские советы на оккупированных советских территориях от аналогичных органов на Западе (правда, тоже не слишком успешных).

Гетто в Крыму (на Северном Кавказе их не было), находившиеся в Ялте, Джанкое и деревне Войковстат, просуществовали недолго, хотя евреев там уничтожили позднее, чем в остальных крымских населённых пунктах. За такой короткий срок местные жители, естественно, не смогли организовать даже минимальное сопротивление оккупантам.

Некоторые крымские города Красная армия отвоёвывала на короткий срок, что значительно уменьшало шансы для выживания еврейского населения. В Феодосии, Керчи и Севастополе оккупационные власти установили за евреями такой режим слежки и проверки, что скрыться, да и выжить им было практически невозможно. Ситуация усугублялась тем, что с ноября 1941 г. деятельность крымских партизан стала для немецкой армии серьёзной проблемой, поэтому оккупационное командование усилило меры контроля за населением. В городах регулярно проводились поиски людей, помогавших партизанам, проверялись документы (их получали только после регистрации со стороны оккупационных властей), был введён комендантский час (с 17 ч до 5 ч утра), ограничивавший перемещение местных жителей.

В книге фрагментарно представлен вопрос о судьбе евреев, состоявших к началу войны в смешанных браках. Исходя из единичных примеров показаний очевидцев, автор утверждает, что немцы не выработали единой линии поведения по отношению к таким семьям. Например, в Крыму имели место случаи, когда неевреям предоставлялся выбор — последовать за своей второй половиной и обречь себя на смерть или же остаться в живых, но

потерять семью. В начальный период оккупации немцы не всегда понимали, что делать с такими семьями, но на всякий случай регистрировали их, как и остальное еврейское население. Таким образом, позднее, когда было принято решение об уничтожении и этих семей, их легко находили.

Что же касается смешанных браков на Северном Кавказе, то немцы стремились убивать только евреев, оставляя жизнь их супругам нееврейского происхождения. Но иногда уничтожали и семьи целиком, т.е. при решении судьбы смешанных семей и их детей особое значение имел личностный фактор. Создаётся впечатление, что поведение оккупантов в отношении таких семей носило хаотичный характер, не подчинялось логике, но в это сложно поверить. Скорее всего, исследователю не удалось найти материал, который позволил бы проанализировать данную политику немцев.

Исходя из общей статистики, в Крыму в рассматриваемый период были уничтожены 30–35 тыс. евреев (р. 171), на Северном Кавказе — 35–45 тыс. (р. 230). Так, по мнению некоторых представителей немецкого верховного командования, можно было решить и проблему нехватки продовольствия и, как следствие, голода. Феферман, изучив ситуацию с наличием продовольствия в обоих регионах (р. 231–253), заявляет, что в начальный период оккупации у жителей Крыма было достаточно еды, потому что хаотичный характер эвакуации не позволил вывезти или уничтожить целиком продовольственные базы (р. 232–234). Это не относится к Керчи и Севастополю, где долгое время находилась Красная армия, к тому же эти города были опустошены в ходе военных действий. Анализируя отчёты оккупационных властей, историк констатирует: в отношении Крыма они использовали возникшую проблему в качестве мотива для начала уничтожения евреев, чтобы облегчить продовольственное положение остальной части населения (р. 239–240). Тем не менее даже тогда ситуация с питанием не улучшилась. Вместо того чтобы разрешать людям самим добывать еду в сельской

местности, немцы в целях собственной безопасности ограничивали свободу их передвижения.

Что касается Северного Кавказа, то в рапортах представителей его оккупационной власти (в отличие от Крыма и остальных захваченных территорий) никогда не указывалось на нехватку еды как на основной мотив уничтожения евреев.

Значительная часть работы Фефермана посвящена судьбе караимов, крымчаков в Крыму и горских евреев Кавказа (р. 255–308). Именно этот аспект, считает историк, был слабо исследован в историографии. Ещё до начала войны в Германии проводилось изучение «специальных еврейских групп» — их языка, религии, внешних отличий от «обычных» евреев. После долгих обсуждений (под руководством А. Розенберга) было принято решение их не уничтожать. Община караимов, проживавшая в начале войны в Крыму, являлась самой многочисленной в Восточной Европе. Можно сказать, что из всех «специальных еврейских групп» именно караимам «повезло» больше всего. Они не только избежали участи основной части евреев полуострова, но многие из них активно работали при оккупационном режиме в местных администрациях или полиции. Если они и испытывали притеснения со стороны немецких властей, то не больше, чем остальное гражданское население, состоявшее в годы войны преимущественно из русских. Тюркские корни караимов и схожесть с крымскими татарами позволили им выжить в период оккупации Крыма.

Крымчакам, в отличие от караимов, повезло меньше, и большинство их было уничтожено вместе с остальной частью крымских евреев. По подсчётам Фефермана, погибли 5,5 тыс. крымчаков, т.е. более 70% их довоенного числа (р. 291).

Автор пишет о том, как происходило обсуждение вопроса о судьбе этих групп населения, однако не поясняет, чем при этом руководствовались оккупационные власти. Также не дана общая характеристика караимов и крымчаков, не представлены различия между ними, не объяснён ключевой момент — разница между иудаизмом талмудического и караимского образцов. Последний вопрос отражён вскользь, исходя исключительно из нацистских документов.

Оккупационная политика в отношении горских евреев Северного Кавказа была менее определённой. Из Берлина не получили приказа, касавшегося их судьбы, поэтому фактор осведомлённости в данном вопросе конкретного карателя играл немаловажную роль. Члены айнзатцгруппы «Д» знали о необходимости «быть внимательными» к «специальным еврейским группам», однако отличить одних от других было сложно, отчего возникало замешательство на местах. В начальный период оккупации немцы, не видевшие различий между разными группами еврейского населения, в деревнях Северного Кавказа уничтожили наряду с остальными евреями и горских, но в городах их «не трогали». Таким образом, оккупанты убивали горских евреев лишь в том случае, если принимали за «обычных», утверждает Феферман, цитируя один из немецких документов (р. 303). Однако непонятно, как можно было вообще визуально отличить караимов, крымчаков и горских евреев друг от друга и от обычного еврейского населения? Видимо, оккупационные власти просто не знали, что делать с этими группами. Ожидая официальный ответ, они решали этот вопрос по-разному, в зависимости от обстановки на местах.

Особенностью Холокоста в Советском Союзе являлось относительно быстрое — чаще всего в течение месяца после прихода немцев — уничтожение евреев. Естественно, они не могли оказать оккупантам хоть сколько-нибудь действенное сопротивление, тем не менее имели несколько стратегий выживания. Многие евреи начинали их продумывать, пишет Феферман, ещё с момента появления первых слухов о готовившихся против них акциях (р. 309—376). Кому-то удавалось уйти в лес и пополнить ряды партизан, кого-то укрывали соседи или знакомые. Одни доставали поддельные документы, другие пытались «притвориться» татарами или греками. Были и те, кто принимали христианство, чтобы скрыть еврейское происхождение. В целом проживавшие или скрывавшиеся в сельской местности евреи имели больше шансов выжить, потому что им удавалось укрыться от регулярных облав, проводившихся немцами в крупных городах. В отличие от Крыма, где

уход в партизанские отряды был одной из возможностей спастись от смерти, на Северном Кавказе партизанское движение активизировалось только после уничтожения основной массы еврейского населения.

Последняя часть монографии посвящена проблеме отношения местного нееврейского населения к Холокосту (р. 377—459). Проанализировав немецкие и советские источники, Феферман пришёл к выводу: крымские татары, рекрутировавшиеся в части вермахта, непосредственно не участвовали в преследованиях евреев в Крыму (р. 409). Однако из крымских татар создавали другие части, которые должны были не только бороться с партизанами, но и помогать членам айнзатцгруппы «Д» в поимке нарушителей оккупационного режима. Согласно судебным делам, заведённым против бывших коллаборационистов, крымских татар использовали для захоронения трупов, проверки документов, а также для охраны лагерей, основанных немцами в Крыму (р. 410—411). Но это не значит, что коллаборационисты из числа русских, украинцев и представителей других национальностей не имели отношения к Холокосту. На его подготовительных этапах они участвовали в проверке документов, собирали информацию об укрывавшихся евреях, сопровождали их к местам расстрелов и проч. Коллаборационистов из числа местного населения массово не привлекали к расстрелам евреев, по крайней мере, документы, которые бы это подтверждали, не обнаружены.

Среди нееврейского населения Северного Кавказа лишь казаки приветствовали оккупантов. Более того, около 11 тыс. казаков вступили в ряды немецкой армии. Некоторые из них доносили на евреев и сыграли значительную роль в осуществлении Холокоста в регионе. Вместе с тем иногда казаки помогали им и спасали от смерти. На Северном Кавказе были сформированы специальные «татарские» или «казацкие» части, которые состояли из крымских татар, армян, грузин и действовали под прямым контролем айнзатцгруппы «Д». Данные подразделения непосредственно участвовали как в поисках и арестах евреев, так и в их расстрелах или уничтожении в душегубках (принципиальное отличие Холокоста на Северном Кавказе).

Наконец, важный фактор, косвенно отразившийся на положении еврейского населения оккупированных советских территорий, — особая политика немцев в отношении мусульманских народов. Большинство их проживало именно в Крыму и на Северном Кавказе. Ещё до войны с СССР представители немецкого командования спорили о том, на какую группу советского населения в качестве потенциальных союзников следовало сделать больший акцент. Окончательный выбор пал на мусульман, которые из-за гонений на их религию в 1930-е гг. испытывали неприязнь к большевистскому режиму и потенциально могли поддержать немцев. Оккупационные власти вновь открыли мечети, сделали пятницу выходным для мусульман днём, разрешили им издавать газету и транслировать новости по радио, в том числе на крымско-татарском языке и т.д. Сложно сказать, на какую группу мусульман — крымскую или кавказскую — сильнее повлияла такая политика немцев. Феферман считает, что в Крыму она нашла больший отклик в силу того, что начавшаяся в сентябре 1941 г. оккупация длилась там два с половиной года, на Кавказе (с середины 1942 г.) — всего пять месяцев (р. 483—484).

Таким образом, несмотря на ряд схожих вначале факторов, между Крымом и Северным Кавказом имелись существенные отличия, повлиявшие на характер и результат проводившейся оккупантами политики уничтожения евреев. В Крыму у них было меньше шансов спастись, так как в силу географического положения бежать оттуда было просто не на чем. К тому же в течение продолжительного оккупационного периода немцы постоянно «прочёсывали» полуостров в поисках спасшихся евреев. На Кавказе айнзатцгруппа «Д» физически не смогла уничтожить еврейское население в силу его малочисленности и больших шансов скрыться на просторах северокавказских территорий.

В обоих регионах представители еврейской национальности скрывались в заброшенных местах и лишь в крайних случаях обращались за помощью к местному населению. В Крыму из-за постоянных облав и бесконечных проверок поиск фальшивых документов стал основной стратегией выживания для евреев, а на Кавказе можно было выжить и без этого — «проверки» стали регулярными лишь

на последнем этапе оккупации. Известно, что в целом население Крыма (в отличие от Кавказа) симпатизировало советской власти, и традиционно с ней ассоциировавшимся евреям местные жители сочувствовали больше.

Беспорным достоинством работы является привлечение Феферманом различных видов источников: от воспоминаний очевидцев событий до официальных отчётов айнзатцгруппы «Д». Автор опирается на документы российских, американских, немецких и израильских архивов. Особую ценность представляют судебные дела (против бывших коллаборационистов), с которыми автору удалось поработать в Мемориальном музее Холокоста в Вашингтоне. Данный вид источника, недавно использующийся исследователями, и в отношении истории как Холокоста, так и оккупации СССР является уникальным, поскольку позволяет выявить ранее неизвестные места уничтожения еврейского населения⁷.

Огромную работу провёл Феферман и в области систематизации данных, касающихся политики насилия в отношении еврейского населения. В качестве приложения он представил таблицы, в которых дана информация обо всех известных местах уничтожения евреев, датах их расстрелов и количестве убитых, а также о помощи оккупантам со стороны местного населения и румынских солдат (р. 501—525).

Однако отмечу, что повествование автора часто сводится лишь к перечислению фактов, имевших место в рассматриваемых регионах. Особый вопрос вызывает представленная им статистика, связанная с Советским Союзом периода Второй мировой войны, которую очень сложно отследить и систематизировать. Например, исследователь пишет, что из Крыма до оккупации эвакуировалось 25—35 тыс. евреев. Откуда взяты эти показатели, он не объясняет. Официальную статистику по непонятным причинам он подвергает сомнению. К тому же разница в 10 тыс. человек в отношении Крыма довольно существенна, поэтому все названные автором цифры являются приблизительными и, на мой взгляд, подлежат перепроверке.

Феферман, характеризуя отношение местного населения к проводившейся оккупантами политике, ссылается на отчёты айнзатцгруппы «Д», которым, по-видимому, не стоит безоговорочно верить. В отношении населения Крыма большая их часть содержала информацию об антисемитских настроениях крымских татар и их массовой поддержке оккупационных властей. Критически должны быть рассмотрены также источники, появившиеся до 1990-х гг. и содержащие установки, характерные для господствовавшей тогда идеологии. В частности речь идёт о книге И.А. Козлова (руководителя подпольной организации во время первой оккупации Керчи, после 1943 г. секретаря симферопольского подпольного горкома партии)⁸, содержание которой неоднократно обсуждалось в Академии наук СССР. В числе прочего, в свете проводимой послевоенной политики на полуострове автору советовали ярче подчеркнуть предательскую роль крымско-татарского населения⁹.

Также вызывают вопросы высказывания исследователя о том, что смертность советских военнопленных в Крыму была ниже в силу тёплого климата (р. 167–169). Безусловно, это не является доказательством того, что люди в местных фашистских лагерях менее страдали и умирали в меньшем количестве, чем в Центральной России. В интервью с бывшими военнопленными крымских лагерей имеются многочисленные свидетельства о том, как в жару, на открытом воздухе страдали заключённые¹⁰. Кроме того, в материалах Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков содержатся сведения, касающиеся условий содержания советских военнопленных. Так, в одном из лагерей в Ичкинском районе Крыма они круглосуточно находились под открытым небом, а в качестве еды получали прелое просо без соли, сваренное в цистерне из-под мазута. Местному населению было запрещено передавать пленным какую-либо еду, и они умирали от голода, холода и болезней¹¹.

Следует отметить, что многие важные для рассматриваемой темы проблемы освещены

автором фрагментарно и хаотично, а некоторые его выводы основаны лишь на одной–двух цитатах, взятых из воспоминаний очевидцев (иногда из интервью, состоявшихся позднее произошедших событий). Тем не менее К. Феферман, введя в научный оборот новые источники, подробно представил ряд сюжетов, которые ранее лишь затрагивались исследователями (судьба караимов и крымчаков в годы нацистской оккупации, политика эвакуации из Крыма и Северного Кавказа, коллаборационизм местного населения). Кроме того, автор показал различия Холокоста в Крыму и на Северном Кавказе, чего ранее в историографии сделано не было.

Примечания

¹ *Kunz N. Die Krim unter deutscher Herrschaft 1941–1944: Germanisierungsutopie und Besatzungsrealität. Darmstadt, 2005.*

² *Angrick A. Besatzungspolitik und Massenmord: Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941–1943. Hamburg, 2003.*

³ *Pohl D. Die Herrschaft der Wehrmacht: Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. München, 2008; Oldenburg M. Ideologie und militärisches Kalkül: Die Besatzungspolitik der Wehrmacht in der Sowjetunion 1942. Köln, 2005.*

⁴ *Арад И. Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941–1945). Днепропетровск; М., 2007.*

⁵ *Альтман И. Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945 гг. М., 2002; Холокост на территории СССР. Энциклопедия / Под ред. И.А. Альтмана. М., 2009.*

⁶ *Тяглый М. Места массового уничтожения евреев Крыма в период нацистской оккупации полуострова (1941–1944). Симферополь, 2005.*

⁷ Подробнее о судах над коллаборационистами см.: *Penter T. Collaborators on Trial: New Source Material on Soviet Postwar Trials against Collaborators // Slavic Review. Vol. 64. 2005. № 4. P. 782–791.*

⁸ *Козлов И. В Крымском подполье. М., 1948.*

⁹ Архив ИРИ РАН, ф. 2, оп. 13, д. 20, л. 6.

¹⁰ Там же, оп. 10, д. 2, л. 7 об.

¹¹ ГА РФ, ф. Р-7021, оп. 9, д. 37, л. 43 об.